

ЗИНАИДА РИХТЕР

АЗИАТСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

947
1648

«ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ»

БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИСТА

947
1648
ЗИНАИДА РИХТЕР

АЗИАТСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

(ПО КИРГИЗСКИМ КОЧЕВЬЯМ)

«ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ»

МОСКВА 1980

ЛЕНИНГРАД

Обложки работ худ. Н. Вартев и Г. Замкова.
Фин. № 101.

АЗИАТСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Лишь редкие путешественники посещали далекое озеро Иссык-Куль, живописные горные окрестности которого англичане называют азиатской Швейцарией.

Озеро Иссык-Куль лежит на одной широте с Средней Италией и в пять раз больше Женевского. Над озером высятся снеговые вершины гор; на северном берегу — хребет Кунгей-Алатау, на южном — Терской-Алатау¹⁾. Кунгей-Алатау своей спиной защищает глубокий залив Джергалан, на берегу которого расположен город Каракол, действуя вместе с тем, как огромный холодильник, задерживающий и осаждающий испарения, нагоняемые с озера.

Через Иссык-Кульскую долину проходила один из важнейших путей народных переселений: бежали преследуемые гуннами тибетские и средне-азиатские племена и народы, проходили полчища Чингиз-хана, а позднее — Тимура...

В связи с открытием Туркестано-Сибирской железной дороги решено провести также ветку

¹⁾ Кунгей — скат, обращенный к северу.
Терский — скат, обращенный к югу.

от гор. Фрунзе до Токмака—торгового местечка на пути к озеру Иссык-Кулю и Караколу.

Токмикская ветка, несомненно, будет проложена до Иссык-Куля и Каракола (Пржевальска), и Иссык-Кульский край перестанет быть столь недоступным. Пройдет стальной путь и на побережье незамерзающего соленого озера Иссык-Куль (по-киргизски—теплое озеро), и в его горах, где много минеральных источников и горячих ключей, появятся благоустроенные курорты, гостиницы, санатории и дома отдыха.

«Курорты» на Иссык-Куле и в окрестностях гор. Каракола существуют давно, но особого, туземного, типа. Кой-Сара, где больные живут в юртах на пляже прозрачно-зеленого озера-моря; Ак-Су—горячие сернисто-щелочные «ванны»—ямы в живописном Аксуйском ущелье; Джеты-Огуз—минеральные источники в 28 километрах от Каракола и др.

Как ни мало благоустроены эти курорты, но паломничество к ним разноплеменного туземного и местного русского населения большое. Приезжают издалека на телегах со всей семьей и с живым провиантом: барашками, коровами и т. п.

Самый чудодействующий из иссык-кульских курортов—Ак-Су; он стоит описанного Золя в его «Лурде». Окрестное население глубоко верит в целебную силу его горячих ключей исцеляющих от всех решительно недугов: ревматизма, желудочных, кожных, женских, падучей, эрралича.

Летом, когда в Фрунзе становится невыносимо жарко и пыльно, кто только может из горожан уезжает и отправляет семью на озеро Иссык-Куль и в окрестности гор. Каракола. Некоторые поселяются в собственной, с собой привезенной юрте, другие арендуют юрты у киргизов. Иссык-кульские курорты переданы недавно в ведение средне-азиатского курортного управления (ташкентского), которое должно привести их в благоустроенное состояние. Организовано уже автобусное сообщение между г. Фрунзе и Рыбачьим—поселком на берегу Иссык-Куля; по озеру установлены правильные рейсы пассажирских пароходов Рыбачье—Каракол. Все это вызвало необычайный наплыв курортников и дачников не только из Фрунзе, но и Ташкента. В Кой-Сара я встречала и москвичей, которые не могли нахвалиться красотой выбранного ими места отдыха.

Автобусы, ходящие между Фрунзе и Рыбачьим, часто ломаются и задерживаются в пути из-за плохой дороги. Вынужденная остановка чаще всего, как нарочно, бывает в пустынном месте, где нет ни воды, ни жилья. Пассажиры волнуются, боясь опоздать к пароходу и потерять напрасно несколько дней в Рыбачьем, где трудно найти ночлег. Случается, что пассажиры автобуса, идущего из Фрунзе и потерпевшего аварию в пути, останавливают встречный автомобиль, насильно высаживают пассажиров и, заняв их место, заставляют шофера повернуть обратно в

Рыбачье. Между тем у некоторых из оставшихся в степи пассажиров заказаны места на ташкентский поезд. Место на автобусе до Рыбачьего стоит 18 руб. плюс 10 руб. за проезд на пароходе. Это не всем по карману, и некоторые предпочитают более дешевый и вместе с тем надежный способ передвижения на «долгих». Подбирают компанию и нанимают крестьянскую парную телегу с крытым верхом. Надо видеть торжествующие физиономии пассажиров, едущих на телеге, когда им удается обогнать поломившийся автомобиль, пассажиры которого, изнемогающие под палящими лучами на пыльной дороге, завистливым взглядом провожают не только телегу, но и горделиво проходящих мимо верблюдов.

Далекый горизонт чуйской долины закрыт снежными цепями гор. По дороге встречаются поля пшевицы. Растекаются во все стороны звонкие армы и ручейки, вытекающие из реки Чу.

За годы революции и засухи пострадали армы и сократили полив, все же долина и сейчас лишит плодородием. Даже степные травы, полын и канский щавель здесь гуще и выше, чем в других местах.

В окрестностях Иссык-Куля и Каракола сеют опиный мак, и всюду пестрят яркие полосы маковых полей. Лучши: опиные плантации принадлежат дунганам—выселенцам из Китая. Они же и начали сеять мак в этих местах, сначала в Джаркентском и Пржевальском уездах.

а потом в Каракольском. Казаки и киргизы сравнительно недавно начали заниматься посевами мака.

Добыча и обработка опия требуют большого навыка и искусства. Когда головки мака достигают известной зрелости и цвет их делается синезеленым, приступают к резке их. При этом очень важно уловить момент, когда головки мака готовы, т.-е. могут дать наибольшее количество «молока» — жидкого опия. Выдубленный солнцем, в широкополой панаме, дунганин соскабливает серпом с маковых головок выступающую жидкость и собирать в стаган (по-китайски — кокоз), подвешенный на ремнях у него на груди.

В Джетысу посевы мака в настоящее время достигают 1.833 гектаров. Несмотря на то, что с 1916 г. в России введена была опиная монополия, опиий уплывал в Китай. В настоящее время у нас опиий идет исключительно для лечебных целей. С 1926 года организовалось всесоюзное акционерное общество «Акоспо». Весь собираемый на территории нашего Союза опиинный урожай подлежит сдаче «Акоспо», которое имеет на местах своих уполномоченных и контролеров, ведущих самый строгий учет засеваемой маком площади и сбора опия.

«Акоспо» ведет энергичную борьбу с фальсификацией опия, так как опиеробы добавляют в опиий сушеную баранью печеньку, яичные желтки, песок и пр. Вследствие близости китайской границы борьба с контрабандой опия чрезвычай-

но трудна. Таранчинцы и дунгане-контрабандисты знают кратчайшие перевалы и головоломные горные тропы, ведущие в Китай. Они имеют на редкость выдрессированных лошадей, цепких, как кошки. В последнее время благодаря энергичной работе вограничников число контрабандистов значительно сократилось.

По Такманскому тракту расположены большие русские села, с широкими улицами, с высокими журавлями колодезев. Свиньи и дыпята поспешно удирают из-под самых шин режущего автомобиля. Сбегаются дети, а бабы из окошек деагим изгладом провожают автомобиль. Остановившись в селе, слышишь чистую украинскую или великорусскую речь, не забытую переселенцами за 60 елшшном лет. прошедших со времени первых переселений русских в Семиречье. Впрочем, внуки пионеров-поселенцев говорят и по-киргизски не хуже, чем на родном языке. Села с виду очень зажиточные, много полугородских домов.

Русское правительство, стремясь упрочить свое положение в завоеванном крае, вселчески покровительствовало переселению и раздавало переселенцам лучшие земли туземцев. В 1916 году после известного киргизского восстания в руки переселенцев попали также земли сотен тысяч киргизов, бежавших в Китай от кровавой расправы. Русские села, пашни лежали на скотогонных дорогах, и киргизам постоянно приходилось расплачиваться за поправу посевов. Кир-

гизы были стеснены в горы, а желавшие перейти на оседлое положение получали надел в разных местах, клочками. Все это неизбежно вело к еще большему обнищанию туземного населения.

Советская власть произвела коренные изменения в отношениях туземного и пришлого населения.

Бойкое торговое местечко Токмак. Пыльная улица, деревянные дома с большими ставнями. Миновали ветхую почтовую станцию с высоким крыльцом и грязноватый базар с торговыми рядами, караван-сараями и русскими харчевнями, неструю толпу дунган, уйгурцев и русских. Остановка автобусов—у сада с буйной, но пыльной растительностью и «шшшлычной», которую содержат русские, толстые и неопрятный, козлик. Пассажиры-туземцы отправляются на базар.

За Токмаком долина Чу суживается и уходит вниз. Горы растут, надвигаются на дорогу. Кончились русские села, и лишь изредка промелькнет небольшой киргизский аул, караван-срай, зеленый клочок клеверного поля. Дорога становится все пустынее. Местами—полюнь, местами—голый галень и беспорядочно разбросанные глыбы скал.

Въезжаем в узкое Буамское ущелье, напоминающее начало Военно-Грузинской дороги от Владикавказа. Дорога высечена в скале. С одной стороны—зависшие скалы, с другой—глубокая пропасть, на дне которой стремительно не-

сется, перепрыгивая через большие камни и пороги, река Чу. По ту сторону реки серовато-пепельного, безжизненного цвета горы с пологими, лишеными растительности скатами. Лишь по самым берегам Чу, на дне ущелья, зеленеют деревья и трава.

Дорога то спускается к самой реке, то снова поднимается и делает крутые, головокружные повороты. Край дороги над пропастью лишь кое-где обнесен невысоким забором из камней, и надо только удивляться, что не слышно об автомобильных крушениях. Несколько раз в продолжение пути пассажирам приходится слезать и подтакивать сзади автобус, который не может осилить слишком крутой подъем.

Стемнело и сразу сильно упала температура. Подул холодный горный ветер, заставивший пассажиров распаковать веди и закутаться во что попало. Впереди засветилось несколько огоньков. У почтовой станции автомобиль окружила небольшая толпа киргизов и русских, предлагая пассажирам кумыс и чай. Следом за какой-то бабой мы ощупью пробираемся в темноте узкой улочкой, стиснутой глиняными стенами изб. Навес крыльца и огонек вересиковой лампы. Неожиданное впечатление производит в диком Буамском ущелье, на далекой азиатской окраине, русская крестьянская семья, сидящая вокруг стола за самоваром.

За Буамским ущельем ровная дорога среди густых и высоких зарослей чия (степное пучко-

образное растение) ведет в Рыбачье—небольшой поселок, лишенный всякой растительности, на берегу озера Иссык-Куль. Через каждые два—три дома—караван-сарай или русская харчевня. На стенах некоторых изб надпись мелом: «Продается рыба». В озере водятся осман, маринка, шуки.

За последней рыбачьей кижинкой на низкий берег, подбираясь к опрокинутой лодке, набегают крутые волны. Над беспокойным сегодня озером-морем снуют чайки. Перекалываются купающиеся дети рыбаков. С четверть версты вода мелкая, но потом дно круто обрывается. Вода в озере горько-соленая, цветом и запахом напоминающая морскую. Отплыв подальше от берега, видишь вокруг ослепительно белые вершины гор, как бы поднявшихся из синей глубины озера-моря.

С озером Иссык-Куль связано много романтических легенд о затонувшем некогда городе, своего рода «граде Китеже». По китайским источникам, некогда на озере этом жила голубоглазый и русоволосый народ Усуней.

И, действительно, волны озера выбрасывали иногда на берег предметы древней утвари. Некоторые из этих предметов хранятся в Московском Историческом музее.

ПЕРЕВАЛ В КАРКАРУ

Небольшой иссык-кульский пароход с тесными каютами вечером уходит из Рыбачьего и на следующее утро бросает якорь у Каракольской пристани, в заливе Джергали.

Туземные разноплеменные пассажиры с корзинами и узлами толпятся на палубе. Среди них—ташкентская киноэкспедиция, направляющаяся на Каркару. Приближаемся к урочищу и «курорту» Кой-Сары. Уже видим солнечный пляж, красный флажок, юрты и купальни. А в глубине поднимаются снеговые вершины гор. Зеленые склоны их ярко освещены солнцем. Озеро-море спокойно и его зеленовато-синяя поверхность прозрачна. За кормой плывут стаи рыб. Над палубой вскрикивают чайки.

Близ урочища Кой-Сары в одном месте под водой видим стены затонувшего города. Туземные пловцы—отличные ныряльщики и без всяких водолазных приборов, случается, добывают со дна древние чаши и другую утварь.

Пароход замедлил ход у Кой-Сары. Подплыли лодки; на веслах темнокожие от загара в от-

крытых спортивных гимнастерках девушки и парни. С интересом людей, не часто видящих новые лица, вглядываются они в пассажиров, теснящихся у борта. Два—три пассажира сошли в лодки, а мы поплыли к Каракольской пристани.

На высоком берегу озера Иссык-Куль, близ Каракольской пристани, среди пирамидальных тополей похоронен путешественник-исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский. На его могиле стоит памятник, обглоданный временем; остался лишь бронзовый орел на скале, когти которого как бы терзают карту Азии,—символ былого русского империализма. Об оликовой ветке, бывшей в клюве хищной птицы, можно слышать только от старожилков,—ее давно уже нет. Самый памятник генерала-путешественника удалось спасти в первые дни революции не без большого труда.

Пржевальский возвратился из экспедиции на озеро Лоб-Нор и готовился к новому (пятому) путешествию, намереваясь пробраться в сердце Тибета—таинственную Лхассу. По пути Пржевальский остановился в Караколе. Здесь, охотясь в горах, он простудился и умер. О посещении Пржевальского Каракола и банкетах, которые устраивались обществом в его честь, рассказывал мне один из старейших каракольских старожилков, основатель и заведующий метеорологической станции 90-летний Корольков, большой знаток края и лично знавший Пржевальского.

Бывший уездный город Каракол (ныне кантонный центр) расположен в горах. Его деревянные особнячки со створчатыми ставнями и высокими крыльцом утопют в зелени. Гордость каракольцев—прекрасный, но запущенный городской сад, с ветхими скамьями, развесистыми деревьями и прудом. В глубине сада стоит дача бывшего уездного начальника, бежавшего отсюда в 1917 году. В этом саду коротают вечера красноармейцы и местная молодежь. В кинематографе, единственном в городе, показывается надоевшая, затрепанная картина.

Отрезанный сотнями километров от железной дороги и культуры, Каракол жил до революции исключительно обывательскими интересами и развлекался пьянством и картежной игрой. Каракольцы придирались ко всякому случаю, чтобы напиться—к именинам, похоронам; считалось обязательным поздравить «с принятием святых тайн» и т. д. Пировали в течение нескольких дней, и никто не выпускался из дома. Когда же в городе истекли запасы вина, все погружалось в уныние и траур. Однако продолжалось это недолго. Город облетала радостная весть о приближении обоза с вином и организовывалась торжественная встреча во главе с представителями уездной администрации. На месте встречи, на берегах реки Джергалли, устраивалась грандиозная попойка.

В настоящее время Каракол еще не совсем изгнал старые традиции. Однако в этом захолустном обывательском городке начинает повсеместно

развиваться культурная жизнь. Туземная молодежь побывала в Москве, в вузах и, возвратившись в родной город, заняла ответственные места в учреждениях. В самом Караколе открывается рабфак. По сравнению с довоенным временем школьная сеть в Киргизии, в частности в Каракольском кантоне, значительно расширена. Большое внимание обращено на переподготовку преподавателей—киргизов и татар, получивших духовное образование. Хуже обстоит дело с медицинской помощью. Врачи неохотно соглашались ехать на азиатскую окраину. В Караколе на весь кантон имеется лишь один хирург, которому приходится делать самые сложные операции.

В памятный для всего Туркестанского края 1916 г., во время киргизского восстания, г. Каракол выдержал длительную осаду. В Каракольском кантоне еще не стерлись кровавые следы этого восстания, усмиренного со всей жестокостью, на какую только было способно царское правительство. После восстания 1916 г. в Каракольском уезде значительно поредело население, 3—4 волости соединялись в одну.

В свое время это восстание—«инородческий бунт» на далекой азиатской окраине—почти не было освещено в печати из-за цензуры. В годы революции было не до исторических исследований, и лишь в последнее время алма-атинский и фрунзенский институты заинтересовались восстанием. Собранные на местах материалы представляют большой интерес. Сильное впечатление

производят жандармские допросы участников и руководителей восстания. 60-летний предводитель восстания Канаат Абукин кончил в тюрьме самоубийством,—разбил голову о каменную стену. Он предводительствовал 4—5 тысячами войск и во главе 10 восставших волостей осадил села Покровское и Токмак. В папке допроса есть и выцветшая, пожелтевшая фотография седобородого Абукина.

В Каракольском уезде восстанием руководил сын одного из владетельных манапов, Шабдана Джантаеза, того самого, который в свое время вооружил свою Сары-Багшскую волость в помощь генералу Скобелеву против кокандцев, за что получил высокий чин и 546 гектаров земли.

Формальным поводом к восстанию киргизов послужило «высочайшее повеление о ревизиции инородцев империи на тыловые военные работы». Киргизы не верили, что их берут на тыловые работы, а не в действующую армию, и считали себя обманутыми белым царем, который при покорении края дал торжественное обещание, что киргизов не будут брать в солдаты. Среди туземного населения давно назревало недовольство эксплуататорской колониальной политикой царского правительства, жестоким захватом населения, беззастенчивым взяточничеством волостных управителей. Нужен был только повод, чтобы это недовольство вылилось в открытое возмущение.

Показания Канаата Абукина свидетельствуют о том, что правительство сознательно вело туземное население к полному обнищанию и провоцировало восстание. Все факты, приводимые повстанцами в показаниях, подтверждаются официальным донесением ротмистра отдельного корпуса жандармов Железнякова. «Русская власть в крае в лице уездных военных и участковых начальников управляла своими районами при посредстве нагайки и вообще физического воздействия, мало заботясь о последствиях», — пишет этот жандарм. Все управление киргизами выражалось в самых невозможных, беззастенчивых поборах. Все свои дела администрация вела через манაпов, потакая им во всех поборах с бухары (бедноты). «Степное положение» об управлении киргизами еще более упрочило власть манапов над бухарой. Народный суд был силой, заставлявшей бедняков делать все, что угодно богачам. Судьи избирались из манапов. Прокуратура не имела власти и контроля над этим судом, апеллировать к волостному сходу было бесполезно. Выборы в волостные управители и судьи происходили раз в три года. Перед выборами шли в ход угощения и подкупы. Впоследствии туземная администрация возмещала эти убытки с бедноты с процентами.

Обострившийся в 1906—07 гг. в Европейской России аграрный вопрос заставил правительство искать выход в усилении переселенчества. Настех организованное переселенческое

управлении в своей работе по отмежеванию так называемых излишков киргизских земель не работало о параллельном устройстве киргизов и переводе их с кочевого на оседлое хозяйство. Беднота была бы рада осесть на землю, но встречала противодействие богатых скотоводов и манаров, которым это было невыгодно. Под переселенческие участки были заняты стойбища киргизов, с их саклями, землями и клеверниками. Они должны были передвинуться к горам, к границам несков. Летние джайлау, где имелись леса, были отобраны лесным ведомством. Привычные тропы скотоводов, по которым скот прогонялся с зимних на летние пастбища, были перерезаны участками переселенцев, требовавших со скотоводов за изъятие штрафа.

В Вершинском уезде особенно свирепствовал полицмейстер Поротиков, которому покровительствовал генерал-губернатор Соколов-Соколинский. Достаточно было одного слова Поротикова или его «правой руки» — сарта Закир Исабаева, чтобы любой туземец попал в тюрьму. Самые влиятельные манапы трепетали перед ним. Поротиков организовал сыск среди мусульман (в воздухе носились крамольные панисламистские настроения). Набранные ими отбросы туземцев выдавали себя за жандармов и наводили страх.

Еще в январе 1916 г. среди киргизов начались толки о призыве в армию. Туземцы тайно собирались и обсуждали этот вопрос. Некоторые из них стали заблаговременно переселяться в

Китай, другие потихоньку готовились к восстанию, пересовывали топоры и лопаты в гижи и своеобразные алебарды. В Джетысу расприращение о наборе было получено к 1 июня. По разверстке каждая волость должна была самостоятельно выставить и снарядить определенное число рабочих. Высшее начальство требовало приговор волостных сходов со списками, а сходы не собирались. Предчувствуя надвигающуюся бурю, местные власти посылали донесение за донесением. Ответ губернатора был самым легкомысленным: «Нечего беспокоиться. Манапы палками погонят букару».

Вспыхнувшее восстание охватило Пышпекский, Пржевальский и Веринский уезды (ныне: Фрунзенский и Каракольский кантоны и Алмаатинский уезд). Киргизы нападали на поселки русских переселенцев, захвативших у них лучшие земли, взяли город Токмак и Пржевальск. Движение приняло характер настоящей войны. Повстанцы разделялись на отряды. Берданки были не у всех, большинство было вооружено гижами и топорами, которые насаживались на длинные палки. Во время наступления киргизы, не желая достаться врагу даже мертвыми, привязывали себя к спине лошади. В Караколе хранится деревянная пушка, которую смастерили повстанцы.

Волнения переходили в разрозненные пункты; избивались не только представители администрации, но и рядовая интеллигенция—учителя, агро-

исмы и т. д. Из действующей армии прибыло для умирения несколько полков.

Расправа была еще более кровавая, чем само восстание. Горели киргизские аулы, беспощадно вырезывались целые селения, не было пощады ни женщинам, ни детям. Около ста тысяч киргизов, спасаясь от расправы, бежало в китайский Туркестан. Китайцы, согласившись было принять повстанцев, отбирали у них скот и гнали обратно. Немало киргизов погибло в горях голодной смертью.

Дорога на Каркару преходит через Санташский перевал, который считают самым живописным в Туркестанском крае. По сторонам дороги поднимаются зеленые холмы и цепи снежных гор. Местами виднеются яркие пятна посевов мака. Ближе к горам теснятся юрты и пасутся стада.

Часто встречаются караваны верблюдов, нагруженных тюками шерсти с Каркаринской ярмарки. Недалеко от дороги—озерко, возле которого расположилось стадо барашков. Среди пастухов—необычная фигура человека в желтых крагах, в пропотевшем чесучевом пиджаке, с термосом и фотографическим аппаратом через плечо. Оказывается—агент какой-то государственной фирмы.

Из-за плохой дороги ящик не решился ночью перевалить через Санташ, и нам пришлось остановиться на ночлег в русском селе Валерьяновке, в караван-сараях.

Караван — открытая туземная кухня с глиняной плитой, в которую вмзаны котлы для варки лапши и пельменей. Низкая дверь ведет в соседнее помещение, в котором на лежанке и на полу вповалку спят ямщики и проезжие. На улице перед караваном под деревьями устроены помосты; на них, поджав ноги, сидят киргизы. Один играет в карты, другие пьют черный киргизский чай с бараниками. Караванщик очистил для нас один из помостов и поставил свежую кошму. Сквозь густую листву глядят звезды. С другого конца улицы из темноты доносится перебор русской гармоньки, хохот и визг гуляющей русской молодежи.

...Поедетело, и мы стали собираться в путь.

В стороне остались две небольшие груды камней. По преданию, здесь проходила со слонами войсками Тамерлан. Желая сосчитать свое войско, он приказал каждому воину бросить по камню. Образовалась большая гора камней. Когда Тамерланово войско возвращалось с похода, воины клали камни рядом с вервой горой, и образовалась вторая гора, поменьше. Отсюда в названии перевала Сан таш, что значит: «миллион камней».

Подъем становится очень крутым и часто приходится слезать с брички и идти пешком. Склоны гор покрыты душистой травой и цветами. Внизу раскрываются зеленые прохладные ущелья, поросшие стройными елями. Последнее усилие, — и мы на вершине перевала.

ЯРМАРКА В КАРКАРЕ

Переправившись вброд через быстрок и довольно широкую горную речку Каркару и выбравшись на казахский берег, мы направилась к видневшимся недалеко толпам всадников, группировавшихся около несложных ярмарочных построек, над которыми плавились флажки. Протекающая по этой долине река Каркара служит естественной границей Киргизии и Казахстана. Ярмарка устраивается на казахском берегу, но с участием киргизского наркомторга.

В летние месяцы превосходные пастбища Каркары привлекали много скотоводов—киргизов и казахов; к ним стали приезжать купцы и мелкие торговцы. Скотоводы не имели понятия о деньгах, и торговля велась исключительно меновая. Впоследствии из натурального товарообмена выросла Каркаринская ярмарка, пользующаяся широкой известностью во всем Туркестане.

Поднявшись над горной долиной ярма ярко освещало обширное зеленое пастбище, окаймленное густой синевой горных цепей с снежными вер-

шинами. Вскруг ярмарки кольцом расположились юрты, и по всему полю разсажаны казаки в теплых халатах и островерхих малахаях,—степные богатыри с медно-красными скуластыми лицами. Общий вид долины напоминает стан дикой, воинственной оуды. Недаром казаки и киргизы принадлежат к урало-алтайской группе племен, говорящих на тюркских наречиях и родственных древним кипчакам (половцам), которые до татарского нашествия полонили средне-азнатские степи и совершали набеги на Русь.

В Каркаринской долине насчитывают до восьми курганов очень древнего монгольского или, как некоторые думают, скифского происхождения. Долина Каркара в старину играла роль грандиозного «стадиона». И теперь здесь, по примеру прошлого, устраиваются состязания на лошадях (байга), которыми сопровождаются национальные киргизские и казахские празднества и обряды: науруз (с персидского: новый день), аш (поминки), туй (брачный обряд) и др. В древности в состязаниях и предниках, происходивших на Каркаринском поле, принимали участие, с одной стороны, казаки и киргизы, с другой—калмыки и китайцы.

В недалеком прошлом иш (тризна) имел большое политическое значение. Влиятельные лица, манасы и бан, пользовались с'ездом родовой знати для закрепления существовавшей системы эксплуатации бедноты. Во время аша намечался новый организатор кочевого хозяйства или новый

политический вождь. Аш сопровождался борьбой и широм за счет родственников. Пыльная тризна по маналу ложилась тяжелым бременем на середняка и бедняка. Во время тризны по известному маналу Шабдану, по свидетельству живых ее участников, было зарезано около 10.000 баранов и значительное количество лошадей.

Обычай этот сохранился до наших дней. Но теперь тризна справляется гораздо скромнее. Теперь беднота уже отказывается устраивать аш по маналу.

В заезжем доме все номера по случаю ярмарки оказались занятыми. Приехавшим позднее представителям московских и красных торговых организаций за неимением другого помещения пришлось искать приюта в юртах.

До 1916 г. на Каркари было много постоянных дворов и торговых помещений, но все они были сожжены восставшими киргизами. После этого ярмарка начала отстраиваться только в 1924 г. и, повидимому, без всякого плана. Государственные торговые организации и частники строились где попало. Беспорядочно перемешаны мануфактурные, мясные, мелочные торговали. В путаных узких проходах-улочках на каждом шагу наткнешься на стоящий посреди дороги ларек или лавку.

Наибольшее оживление наблюдается возле мануфактурных лавок. Цены на завозные товары невысокие, принимая во внимание отдаленность Каркаринской ярмарки и трудности доставки.

вследствие плохих дорог. Ассортимент товаров в некоторых случаях оставался желать лучшего. Достаточно указать, например, на то, что одна организация завезла на Каркаринскую ярмарку... хрустальные дверные ручки.

Китайские купцы к открытию ярмарки не прибыли. Отсутствие китайских купцов на открытии ярмарки объяснялось по-разному. Одни считали это в связи с событиями в Китае, другие говорили, что китайских купцов напугало появившееся в газетах сообщение о какой-то эпизоотии в Джаркентском уезде. Прибывшие с опозданием китайские купцы все же развернули свои операции, и с ними было заключено сделок на 1.362.000 руб.

Общий оборот ярмарочного торгова (с 15 июля по 1 сентября) достигает почти довоенного уровня. С каждым годом Каркаринская ярмарка растет. Следует отметить также увеличение заготовок скота, при чем наиболее крупными заготовителями являются госорганы.

Под жгучим небом, в облаках золотистой пыли, меж тесовых балаганов с яркими ситцами, сукнами, расписной посудой, байховым чаем и т. п. движутся толпы всадников, казаки и киргизы на быках и конях и даже верблюдах. За мужьями следуют байбичи (жены) в ярких шубках и белых тюрбанах. Байбича едет в седле помужски, придерживая рукой малыша, сидящего впереди. В толпе шныряют торговцы кумысом с турсуками, предлагая свой терпкий напиток. Ош-

хани (столовые) распространяют возбуждающим аппетит жирного беш-бармака и пряной шурты.

Туземные модницы останавливаются у прилавков и, не слезая с лошади, прицениваются к товарам.

В другом конце ярмарки возвышаются горы овечьей, верблюжьей шерсти, козьего пуха, шкуры. Всюду, словно виселицы, поднимаются высокие перекладные весы. Рядом верблюды, преклонив колена, покорно ожидают, пока на них погрузят шерсть.

За легкой оградой на солнцепеке понуром стоит рогатый скот—быки и коровы. Тут же, на земле, сидят, поджав ноги, туземные посредники без которых не обходится ни одна сделка. Скотоводы поручают посреднику продать скот, а сами даже не появляются на ярмарку. Посредник говорит по-русски, поддерживает связь с кузцами и представителями организаций, он в курсе всех цен.

Конные барышники гарцуют по степи, стараясь привлечь внимание покупателей. Командир какой-то красноармейской части выбирает степных скакунов, которых к нему по очереди подводят киргизы. И в лупу осматривает зрачки каждой лошади.

Местные киргизские лошади отличаются крепостью костяка и мускулатуры, быстры в беге и необыкновенно выносливы. Но, несмотря на превосходные условия для скотоводства и коневодства в Джетысу, местная порода лошадей постепенно

вырождается. Виной тому—неумелое и жестокое обращение скотоводов с лошадьми, неумелое воспитание молодняка. Казаки загоняют лошадь до тех пор, пока она не валится с ног. Молоко кобыла доится на кумыс, а сосунков-жеребят подпускают к матери два-три раза в день на несколько минут. В годовалом возрасте жеребят уже берут на работу.

Очень слабо поставлено ветеринарное дело. Соседний Китай является очагом всяких эпизоотий. Скотоводы—киргизы и казаки, поддерживают оживленные сношения с своими единогласниками по ту сторону границы, через которую с той и с другой стороны постоянно перегоняется скот.

На вершине зеленого кургана расположился биржевой комитет, регистрирующий сделки. Члены комитета зорко следят за покупателями и продавцами—плутовство идет самое беззащитное. Купец, прибывший из Ташкента или Андижана, регистрируясь, заявляет, что он располагает капиталом в 100 руб., между тем проезд на Каркхуру стоит много дороже. Через несколько дней этого купца ловят на том, что он без биржи закупил 300 голов баранов.

Не видно на ярмарке ни книжных киосков, ни читалки, ни кино, театров и других культурных развлечений. Местные культурно-просветительные организации не сумели воспользоваться таким благоприятным моментом, как ярмарочное скопление скотоводов. Между тем в грязных при-

тонах ярмарки и китайских хвощевых идет азартная игра и остается много денег.

На Каркаринской ярмарке мне пришлось слышать степных певцов-импровизаторов, которые в большом почете у казаков и киргизов. Иногда мы собирались в юрте у одного киргиза, который пел нам казакские, киргизские песни, аккомпанируя себе на двуструнном инструменте, похожем на балалайку. Музыка и песни привлекала степных кочевников, и юрта быстро наполнялась народом. Скотоводы с своей стороны выдвигали какого-нибудь старика-баяна, и получался импровизированный концерт. Обычно содержание казакских песен чисто лирическое, любовное, с соловьем и розами, а мотив всегда дико-суров.

С Каркарой связано немало киргизских преданий о победах прославленного былинного богатыря Манаса над камыщукими и китайскими богатырями. Народные певцы, баяны Киргизии и Казахстана, говорят, могут, не повторяясь, в продолжение 30 дней, с зари и до захода солнца пересказывать быльями о Манассе. Наркомпрес Киргизии приступила к собиранию и переводу этих былей.

Среди скотоводов в далекой Каркаринской степи мне приходилось встречать немало людей феноменального сложения и цветущего здоровья. Еще не совсем переведясь на Каркаре потемку монгольских богатырей. Да и степь, и горы вокруг мало изменились со времен Манаса и его богатырских подвигов.

ДЖАЙЛАУ СУСАМЫР

На окраинах нашего Союза мало осталось таких диких, нетронутых углов, как Джайлау Сусамыр.

Джайлау Сусамыр находится в верхнем течении реки того же названия, в Киргизии, но и в Кавказстане летнее пастбище простирается к югу от Александровского и Устьменского хребтов до гор Джумгола и Сусамыра. Обширная нагорная долина—258 кв. километров (2.450—2.600 метров над уровнем моря)—покрыта отличной густой травой. На Сусамыре—самые благоприятные условия для выпаса скота в летние месяцы благодаря обилию горных речек и часто выпадающим дождям. Обычно в конце мая начинается движение скотоводов на Сусамыр по горным тропам через ряд перевалов: Мерке, Ала-Бель, Ак-Су и Утьмен.

Постоянного населения, т. е. скотоводов, имеющих на Сусамыре «кытай» (зимние пастбища), насчитывается до 10 тысяч, а вместе с остальным населением Кочкар-Джунгальской волости—25 тысяч. В летние месяцы население Су-

самыра значительно увеличивается. Одних казавов на Сусамыр перекочивает 1.200 хозяйств.

На Сусамыре кочевники-скотоводы расселяются в определенном для каждого рода районе. Порядок расселения и формы выпасов на Сусамыре освящены многовековой давностью. Раньше, до учреждения временного джайляунского совета, на Сусамыре господствовало захватное право, сильные и богатые роды владели лучшими пастбищами. Манапы (старейшины рода) собирали с сородичей и соподчиненных родов «отмай» и «суиш» — два вида налога — деньгами или скотом.

Расточительные и жестокие манапы вконец разоряли бедноту непосельным отмаем. Рассказывают, что бедняки, не имея ни денег, ни баранов, чтобы уплатить требуемый с них отмай, иногда вынужденны бывали разводиться с женой и из полученного обратно калыма уплачивали манапу дань. Советская власть запрещает отмай и карает за него, но фактически в таких отдаленных и диких местностях, как Сусамыр, он продолжает существовать, если не открыто, то в замаскированном виде. Раньше манапы лично или через своих приближенных собирали отмай, теперь из осторожности прячутся за спинами неизвестных сборщиков или стараются придать отмаю характер торговой сделки.

В прежние времена на Сусамыре среди кочевников происходили постоянные столкновения из-за спорных границ.

— Лет сто назад, — рассказывают старики, — между родами тунгатар и кутчу, с одной стороны, и саяками с другой, на этой почве произошло жестокое побоище. Победителями оказались саяки, перебившие до 400 врагов, трупы которых были брошены в Сусамыр.

Рассказывают еще другой эпизод, относящийся к более позднему времени и чрезвычайно любопытный в бытовом отношении.

Саякский манап Дикомбай Рыскулбеков, сын знаменитого Рыскулбека, находившегося на службе у кокидского хана и удостоившегося почетного звания «гокха», с 50 вооруженными джигитами перешел на правый берег Сусамыра с целью захватить район. Его встретил манап Мечетел Байсеулов рода кутчу со своими людьми. Последний решил во что бы то ни стало опозорить заносчивого саякского манапа. Он приказал своим людям никого из врагов не убивать, а захватывать в плен. Саякский манап со своими сородичами был побежден и взят в плен. Манап Байсеулов, задавшись целью опозорить саякского манапа, заставила его и других пленных «пасть» на джайлау, рвать и есть траву. Опозоренный Дикомбай Рыскулбеков не только остался в покое род кутчу, но и не показывался им на глаза. Еще и теперь кутчу в случае возникновения споров грозят саякам: «Мы вашего отца кормили травой и вас накормим».

Джайлауный вопрос на Сусамыре почти не изучен. Лишь в 1929 году киргизское правит-

тельство послало на Сусамыр временный джайляуный совет, снабженный расширенными полномочиями контрольного и научно-исследовательского характера. Вместе с советом прибыли на Сусамыр нарсуд и прокурор, первый летучий медицинский отряд, санитарный пункт и даже кинопередвижка. На Сусамыре, где до этого времени почти не ступала нога европейца, разом собралось столько культурных сил.

В Фрунзе, в совнархозе Кирреспублики было получено первое письмо с Сусамыра. Зам. председателя совета тов. Калемин сообщал, что сусамырцы радушно встретили джайляуный совет, но минапы в панике. Особый успех выпал на долю медицинского отряда, и юрта-амбулатория оказалась буквально на осадном положении. Врачи не успевают принимать больных туземцев. Сусамырцы с нетерпением ожидают обещанного прибытия государственных и кооперативных торговых организаций, очень нуждаясь в мануфактуре, чае, сахаре и т. п.

Сусамырский верховый милиционер, доставивший это письмо, должен был немедленно вместе с другим милиционером ехать обратно. Я присоединилась к ним.

От Фрунзе дорога сначала идет по долине, параллельно Александровскому снежному хребту. По сторонам дороги—желтые и зеленые полосы посевов пшеницы и овса. Лошадь на ходу ловит и стаскивает придорожные сочные стебли и нежно пахнущие полевые цветы. Ради сокра-

ждения пути мы скоро свернули с большой доро-
ги, вдоль которой расположены зажиточные рус-
ские села в яблоневых и вишневых садах на дру-
гую менее проезжую, пролегающую у самого под-
ножья гор. Здесь нет русских сел, лишь изредка
встретится киргизский аул, пасека. Поля с ра-
ботающими на них темнокожими, обнаженными
по пояс и в широкополых войлочных панимах
киргизами натаптывают плантации жарских стран.
До 1905 года у киргизов существовала общая
родовая земельная собственность. Каждый из ро-
дов пользовался полями и лугами, находящимися
в районе его расселения. Не только между от-
дельными семьями, но и между родовыми подраз-
делениями—юлснами и ветвями—эти земли не
были разделены. С 1905 года царское правитель-
ство произвело своеобразное землеустройство,
отграничив для каждого рода определенную пло-
щадь. Роды стали делить ее между своими коле-
нами, а последние—между ветвями. До 1921 года
общая полей и лугов, отводимых для каждого зи-
мовья—кынтау, ежегодно делалась между семья-
ми, входящими в него. После 1921 года полже-
диси это осталось без изменения лишь для полей,
луга же были закреплены за каждой семьей. Но
если луг в течение двух лет не полит, то каждый
соседач может занять его, не спрашивая даже со-
гласия хозяев.

Глинобитные зимние жилища киргизов вы-
глядят убого. Внутри обстановка так же неслаж-

на, как и в юрте—грязные стены, кошмы, скатанные одеяла и подушки на полу и самая необходимая хозяйственная утварь. В густой траве, во дворе у киргизов можно увидеть валяющийся безногий стул или поломанный шкаф, заржавленный обломок какого-нибудь сельскохозяйственного орудия. Бедняки-киргизы в большинстве случаев не сумели воспользоваться наследством, доставшимся им в 1921 году от выселенных крестьян.

Впрочем, как исключение, приходилось встречать и хорошо поставленные киргизские хозяйства. Очень медленно, но киргизы все-таки начинают приобретать оседлые и сельскохозяйственные навыки. В домах богатых киргизов, маппов—чулутородская обстановка: тонкие ковры, дорогой фарфор, граммофон. Богатые киргизы имеют по две—три жены и больше. Они пускаются на всякие ухищрения в ЗАГС, чтобы набежать закона, запрещающего двоеженство. Положение киргизской женщины в семье определяется терминами: ургичи (самка) и саяп (слабый). Первая жена—байбича (госпожа)—пользуется большим почетом, чем другие. В доме киргизская женщина—рабочая сила: она обшивает семью, шьет на продажу тюбетейки, катает кошмы, собирает и разбирает при кочевках юрты, заготавливает дрова, ухаживает за скотом и т. д.

Кара-Залтинское ущелье начинается в 85—95 километрах от Фрунзе на запад. Высокие, скалистые стены узкого ущелья в глубоких рас-

щелинах, Дно завалено осколками скал и камня. По словам туземцев, — и теперь время от времени ощущаются подземные толчки, образующие новые трещины и обвалы. Глядя на дикие громады скал и утесов, над которыми сияют тысяче-летние снега, и на весь этот каменный хаос, невольно думаешь, что не напрасно киргизов зовут диюкаменными.

Во время перекочевок скотоводов на джайлау ущелье оживает. Десятки и сотни тысяч барашков и коз, как саранча, покрывают склоны. Пастухи верхом, размахивая длинными шестами и оглашая ущелья гортанными криками стараются согнать стадо на более широкую тропу. Киргизские амазонки—байбичи (жены) в ярких синих и малиновых бархатных шубках и в белых национальных головных уборах, в виде тюрбанов, подгоняют сзади верблюдов и быков, навьюченных домашним имуществом—частями разобранных юрт, скатанными кошмами, котлами для варки пищи и прочим скарбом. Детей матери сажает в курдюки, перекинутые через седло лошади, или верхом на молодых жеребят, привязывая веревками. Пятилеток в зеленой бархатной шапке, отороченной мехом, с пучком ястребиных перьев (в знак того, что это—любимый сын родителей) уже хорошо сидит на лошади и сам правит.

Впереди всех на некотором расстоянии едут три всадника на отличных жеребцах, в дорогих халатах,—манап с ближайшими наперсниками.

Они не заботятся ни о чем, за них все сделают подчиненные.

Выбрав лужайку и тень, мы располагаемся на отдых. К нам под'езжают пастухи; у каждого из них небольшой бурдюк с кумысом. Присев на корточки, пастух долго взбалтывает кумыс в бурдюке, а потом передает его моим спутникам. Пьют прямо из бурдюка, если нет под рукой деревянной чашки или шалак (род фарфоровой полоскательницы). Свою долю хлеба пастух прячет за пазуху: печеный хлеб—редкое лакомство. Бедняки питаются преимущественно кумысом и талаканом (размешанная в воде мука—клейстер). В торжественных случаях готовится из муки и сала желкое печенье, жарят барана.

Кара-Балтинское ущелье очень длинное. От села Сосновского, находящегося при входе в ущелье, начав путь на рассвете, на хорошей лошади, лишь к заходу солнца можно добраться до самого перевала.

...Подъем становится все труднее, приходится спешиться и карабкаться по острым скалам. Едва заметная в скале тропка пролегает по самому краю широкого снежного пласта. Из-под угрожающе нависшего и пожглевшего глетчера по скале сбегают ручьи. Оглядываясь назад, видишь пылающее небо и наклонившиеся над пропастью, готовые обрушиться, скалы и утесы с резкими склипами тенями в глубоких складках.

Спускаться пришлось уже в темноте. Холод и резкий ветер пронизывают до костей. Под но-

гами—острый щебень и сползающий вниз за нами камень.

В одном месте в стороне я заметила какие-то темные бесформенные предметы, которые сначала приняла было за камни. Лошадь испуганно насторожилась. «Камни» зашевелились, вытянули шеи и стали на ноги. Мы потревожили отдыхавший караван верблюдов. Зашевелились и с любопытством высунули головы из-под кошм и караванщики—узбекские купцы, спавшие на земле, возле тропы.

Взошла луна и осветила расстилавшееся далеко внизу плоскогорье и снежные вершины Сусамыра.

КОЧЕВОЙ СОВЕТ

Джайлауный совет на Сусамыре, следуя за скотоводами, перекочевывающими по мере истощения пастбищ, в течение месяца успел переменить несколько стоянок.

Спустившись с перевала в долину Сусамыр, мы не застали совет на том месте, где его оставили несколько дней назад сусамырские милиционеры, посланные в Фрунзе и теперь возвращавшиеся вместе со мной. Совет перекочевал, как мы потом узнали, на 25 километров вверх по течению реки Сусамыр.

Долину окутывал предрассветный туман, и разostaав на траве кошмы, мы решили дожидаться утра. Заспав, я слышала у самого уха звон копыт о кимни и храп лошадей, щипавших траву. Когда я проснулась и откинула кошму, было ослепительное утро. В нескольких шагах от меня на траве на корточках сидели старообразные киргизские женщины в невыразимо заношенных капотах, с прорехами на груди. С наивным любопытством первобытных людей смотрели они на меня. Неподалеку виделось несколько юрт, неза-

меченных нами ночью в тумане; дальше рассти-
лось широкое зеленое нагорье. Тепло розсвела
в синей выси ледяные венцы гор.

Седоборсдый киргиз—глава кочевья вызвал-
ся проводить нас до совета. Кстати, совет созы-
вал на сегодня представителей от всех родов для
обсуждения спорных вопросов, касающихся гра-
ниц родовых расселений. В пути к нам присоеди-
нилось еще несколько всадников, направлявших-
ся на совещанке.

Сусамыр не блещет изумрудной зеленью лу-
гов. Буро-желтый травяной покров его, однако,
по питательности и полезности для скота не усту-
пает лучшим в мире пастбищам швейцарских
Альп. По всему нагорью по обоим берегам Су-
самыра разбросаны юрты кочевников, пасутся
стада овец и табуны лошадей. Совет разбил
свой лагерь на правом берегу Сусамыра, под го-
рой. Переправившись вброд и выбравшись на
правый, более крутой, берег, мы очутились в ко-
чевом советском поселке, состоящем из полуто-
ра—двух десятков юрт.

Посреди поселка—большая белая юрта, над
ней красный флаг. Здесь читальня, библиотека
и красный уголок. Несмотря на ранний час, на
«улицах» поселкалюдно и «живленно». На траве
за белой юртой расположились, разбившись на
группы, своего рода «фракции», родовые делега-
ции, съехавшиеся по приглашению совета со всех
концов Сусамыра. Родовые «вожди» и их волн-
тические противники—сторонники маанапта и

советской власти—переходят от одной группы к другой и агитируют.

Возле юрт амбулатории, отделов управления совета, нарсуда—толпы кочевников, ожидающих приема. Пожилой востерикар в очках, в белом, но уже запачканном дегтем и мазлями фартуке, осматривает лошадей.

Делегаты и просто гости, приехавшие за 50—100 километров без всякого особого дела, с единственной целью посмотреть на джайляуный совет и познакомиться с его представителями, бродят по советскому поселку, заглядывая в каждую юрту.

В юрте зампредсовета тов. Калемина туземные ковры и кошмы, у стен сложены одеяла и подушки. Много книг, газет, брошюр. Вместо очага—примус. С раннего утра сегодня за этим примусе кипит чайник с чаем. Ковер, посвященный над входом в юрту, то-и-дело отгибается, пропуская нового гостя в халате. Гость входит, низко согнувшись, как требует восточный этикет, но с дружеской улыбкой, и обними руками пожимает руку хозяина.

Сейчас у Калемина сидит старый Сулпибаш. Тот самый, у которого манап Нугай отнял красивую сноху и лучшего скакуна. Сноху манап вернул, продержав 7—8 месяцев, а скакуна оставил. Советская власть, разобрав это дело, потребовала, чтобы манап возвратил лошадей Сулпибашу.

Сульпибаш рассказывает тов. Калемину о новой обиде. Шилун Балбай при налоговой разверстке приписал ему лишних 400 баранов. Ему обещают расследовать и это дело. Входит новый гость—тучный пожилой кыргиз в богатом халате. Хитрые монгольские глаза шилуна внимательно изучают запредсчета, в то время как уста проносят льстивое приветствие. Цель этого посещения совершенно ясна—пощупать почву и заручиться доверием представителя советской власти. В то время как тов. Калемин ведет дипломатическую беседу с шилуном, жена его угощает остальных гостей чаем, какло и печиньем. Выпив несколько пиал (род подоскателинцум) какло, один из гостей, подлопывая себя по животу, заявляет со всей непосредственностью истинного сына природы, что он страдал животом, но вкусный напиток сразу излечил его.

Делегатское собрание не могло поместиться в большой белой юрте, внутри обтянутой дорогим текинским ковром и красными узорными вышивками, и было перенесено на открытый воздух. Делегаты расселись на траве в круг, поджав под себя ноги. В центре круга поместился актив джайляунского совета.

Солнце палит беспощадно. Делегаты в ватных халатах этого не замечают, но мы все изнемогаем от зноя. Со всех сторон подступая снеговые хребты гор, непроходимой стеной отделяющие этот дикий уголок от остального света.

Секретарь совета в центре круга, с белым листом бумаги и карандашом в руках, опрашивает по очереди делегатов.

— Атын ким (твое имя)? Ким дын баласын (чей ты сын)? Уругын ним (твой род)? Кайсы булуштаан син (из какой ты волости)?

Идет запись ораторов. Присутствует 68 представителей от главных родов: саяк, кутчу, сару, солта и др. В роде кутчу семь родовых подветвей, носящих своеобразные названия: бурга (блоха), сукур бурмы (косой волк), аксаз бурмы (хромой волк) и т. д.

Председатель сусамырского совета тов. Асахан Джикиябаев произносит вступительное слово.

— Мы вас собрали,—говорит он,—для того, чтобы совместно обсудить джайляунский вопрос. Положение, которое существовало раньше на Сусамыре, недопустимо. Лучшими пастбищами пользовались далеко не те, кому следует по справедливости. До сих пор распределением пастбищ ведали мананы, а отныне совет берет это на себя. Вы высказайте свои пожелания, ваши мнения, укажете на все несправедливости в этом вопросе, и мы общими усилиями разрешим их.

Следующим выступает председатель джунгалского волисполкома и член сусамырского совета от зарьинского кантона тов. Тюменбаев (представитель самого малочисленного и незначительного рода ктай; выдвинулся благодаря своим способностям и ораторским данным).

Приветствуя сусамырский совет, Тюменбаев говорит, что до сих пор на Сусамыре существовал производ манаров, а трудящиеся-скотозоды были на положении рабов. Отныне это должно измениться—власть переходит к трудящимся в лице джайлауного совета. Он высказывается против допущения казакстанцев на сусамырскую территорию, что, по его словам, наносит ущерб скотоводам Киргизии.

Речь Тюменбаева, пересыпанная острыми словечками и образными выражениями, не раз вызвала взрывы смеха и дружные аплодисменты присутствующих.

После выступления ораторов, в перерыве, актив джайлауного совета собрался в белой юрте для совещания и выработки резолюции. Склонившись над картой Сусамыра, как над шахматной доской, члены совета обдумывали, что можно предпринять для перераспределения пастбищ. Разрешить этот вопрос было не так просто: передвинешь саяков, солту будет хуже, и они еще, пожалуй, по примеру предков начнут друг друга травой кормить. Кутчу подвинуть—саяки протестуют...

После долгих споров было решено в текущем сезоне не производить никакой ломки границ, но заняться самым тщательным изучением джайлауного вопроса, чтобы подготовиться к будущему году. Слабые родовые группы поддерживать, сильных—осаживать.

Обстановка кочевой амбулатории состоит из ящиков из-под медикаментов, заменяющих шкафы, столы и даже медицинское кресло. В юрте, у двери, сидя на ящике, фельдшер опрашивает больных и записывает в журнал. В тех случаях, когда требуется более подробное объяснение, к нему на помощь спешит санитарка, киргизка, являющаяся в то же время и переводчицей. Перед доктором мать и дочь в нарядных выходных национальных костюмах. На голове у матери напернуто несколько метров полотна. Дочь в малиновой лисовой шубке, в зеленой агласной шапке, отороченной мехом, с пучком перьев, на груди и в косах у нее монисты, звенящие, как сбруя, при каждом движении девушки. Мать жалуется на боли в костях и показывает страшные раны на ноге.

— Последствия недомеченного люзса,—говорит доктор.

Дочери 16 лет. В ответ на вопрос, что у нее болит, девушка открывает рот—гортань в язвах.

Из опросного журнала явствует, что много кочевников, обращающихся в медпункт, поражены сифилисом. В кочевых районах Киргизии это одна из самых распространенных болезней. Думают, что она занесена с Востока, из прилегающих провинций китайского Туркестана кашгарскими купцами. Киргизы называют сифилис хотан-джара; Хотан—город Кашгарии, джара—болезнь. Хотан-джара или, по-европейски, «французская болезнь» получила страшное распро-

странение среди кочевников благодаря антикультурным бытовым условиям их жизни. Борьба с ужасной болезнью в кочевых районах, в тесноте юрт, при полном отсутствии осторожности и брезгливости у кочевников, необыкновенно трудна. Однако последние обследования легучих медицинских отрядов говорят о сокращении случаев первичных заболеваний.

Заходим вместе с тов. Калемшиным к арестованному манапу Керимбаю Атаханову. Лицо важительное и известное на Сусамыре. Редкая лошадь выдерживает этого феноменально тучного манапа. Юрта не охраняется никем, ибо если манап сразу же скрмылся и «позволил» себя арестовать, то он уже не будет пытаться бежать.

В полумраке юрты фигура Керимбая Атаханова, сидящего с скрещенными ногами на коврах, среди подушек, напоминает бронзового будду. То же лицо монгольского идола, с выпуклыми скулами и косым разрезом глаз. В другом конце юрты, на маленьком коврике, сидит малай, старый слуга, добровольно разделяющий участь своего повелителя.

Манап заметно оживился при нашем приходе и заявил, что имеет сообщить нечто важное московской журналистке, но при одном условии, если все, кроме меня и тов. Калемшина, удалится из юрты.

Когда барсудья, прокурор и другие товарищи, находившиеся в юрте, оставили нас, манап ползком — тучность не позволяет ему ходить —

приблизился к нам и театрально зашептал что-то на непонятном мне киргизском языке. Тов. Калемки, говорящий по-киргизски, переводил мне каждую фразу манапа.

— Я—потомственный манап, мой прадед, дед и отец были манапами,—сказал Керимбай Атаханов.—Однако я имею заслуги перед советской властью. Когда басмачи заняли Кокандский уезд, я во главе 80 красноармейцев, имея два пулемета, выступил против басмачей, участвовал лично в наступлении и потерял любимого брата в одном из боев с басмачами.

После этого вступления, которое должно было подготовить благоприятную почву для дальнейшего, манап ловко перешел на родовые взаимоотношения киргизов и поведал нам о давней вражде, якобы существующей между саяками (род Керимбая) и родом, от которого происходит прокурор, ведущий его дело. Намерение Керимбая Атаханова было совершенно ясно: он хотел дискредитировать прокурора и судью, объявив их своими кровными врагами. Обвинялся манап во внимании отмам с бедноты и прочих бытовых преступлениях.

Дело этого манапа слушалось в Фрунзе. Обвинение подтвердилось, и он присужден был к нескольким годам заключения.

Был ли какой-нибудь художник-живописец на Сусамыре и запечатлел ли он закат в его горах? Не помню, чтобы когда-либо мне приходилось видеть более изумительные закатные кра-

ски и оттенки... Вечер наступил звездный и прохладный. Юрты с подвернутыми кошмами приветно засветились снизу. Кое-где вспыхнула костры. Внизу, под обрывом берега, шумел Сусамыр.

Возле одной белой юрты шли приготовления к первому от «сотворения мира» киносеансу на Сусамыре. У кино-механика что-то не ладилось, но искаболованная подобного рода зрителем публика,—кочевники, прехавшие верхом за 10—20 километров,—не выражала никакого нетерпения, хотя ожидала уже несколько часов. Дети и женщины расселись на траве, позади них столпились всадники. Экран заменяла белая стена юрты. Демонстрировалась довольно скучная видовая картина из туркестанской жизни, но впечатленнее на зрителей она произвела неопишемое. Картина сопровождалась взрывами хохота и восторженными восклицаниями. Мирно спавший неподалеку и разбуженный шумом молодой верблюжонок—общий любимец сотрудников совета—подосел на свет. На экране в это время проходила караван верблюдов. Живой верблюжонок, очевидно, зритель их за живых, подошел к экрану и ткнулся мордой в проходившего верблюда.

Казалось, скалы обрушатся от воя и хохота зрителей этого своеобразного дополнения к кинокартине.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Азиатская Швейцария	3
2. Перевал в Карнару	12
3. Карнаринская приморья	22
4. Джайллу Суаммир	29
5. Кочевой Совет	37

